

По страницам зарубежной печати

Примечание: 1993 - 15 мая - с. 6

Сколько скелетов осталось в шкафу?

Известный бразильский писатель

Жоржи Амаду о ледяном дыхании сталинизма

ПОСЛЕДНЯЯ книга бразильского писателя — не о теплых южных краях: все 610 ее страниц посвящены холодной Европе сталинского периода.

Название книги — «Каботажное плавание», да и похожа она на бортовой журнал бесконечно долгого рейса. Каждая история подкрепляется календарной датой и названием города, навевающим малоприятные воспоминания. Это история целого поколения писателей, поэтов, интеллектуалов. Неруда, Брехт, Пастернак, Пикассо... Многие из них бегут из Латинской Америки — от полковников или из франкистской Испании и ищут прибежища в утопии социализма. Но попадают в ледяной холод, который еще сильнее отчаяния, побудившего их бежать. Здесь тоже слышны тяжелые шаги в ночи, здесь тоже их подстерегает страх.

«Ну что мне теперь делать?» — спрашивает Амаду у жены в 1951 году, получив известие о присуждении ему Сталинской премии и зная, что многие его друзья в тюрьме. — Что делать?» «Ты должен принять ее, — убеждают его жена и друзья. — Эта премия обеспечит тебе дипломатическую неприкосновенность, и ты сможешь помочь всем нам».

— Как же вы им помогали?

— Вот здесь я и рассказал об этом. — говорит Амаду, листая страницы. — Например, Бертольд Брехт. В 1954 году я был членом Комитета по присуждению Сталинских премий. Звонит мне в отель «Метрополь» Анна Зегерс, тоже член комитета, приехавшая в Москву с поручением добиться премии для Брехта. Мы познакомились с Брехтом в Восточном Берлине: он жил в квартире над нами. С чего это ему понадобилась премия? СЕПГ — в руках фанатиков. Брехта обвиняют в формализме, декадентстве и в том, что он пренебрегает канонами социалистического реализма. У него хотят отнять театр, где он уже четыре года работает с труппой «Берлинер ансамбль». Жизнь его стала совершенно невыносимой. Веду Анну к Илье Эренбургу, и мы принимаемся за подсчеты. Я, Илья и Неруда будем голосовать за Брехта. Но этого ведь мало. Нас поддерживает и Арагон. Именно он советует поговорить с Сашей. Саша — это Александр Фадеев, автор «Молодой гвардии», представляющий КПСС. Все оказалось проще, чем мы думали. Саша тоже бу-

дет голосовать за Брехта. Я спрашиваю: «Ну а потом? Ведь окончательное решение принимает Центральный Комитет партии». Саша улыбается: «Предоставь это мне». Так Брехт стал лауреатом Сталинской премии. Печать ГДР в восторге. Никто уже не помышляет о том, чтобы отнять у Брехта театр.

— Но бывали случаи и менее серьезные, — улыбается Амаду. — Однажды я стал чуть ли не контрабандистом. Как-то в Париже, когда я укладывал чемодан, ко мне зашел Эренбург. Заседания Комитета по присуждению Международной премии мира закончились, и мы возвращались в Москву. «Я хочу попросить тебя об одном одолжении, — сказал Илья. — Пикассо подарил мне три гравюры и три керамические статуэтки. Гравюры я как-нибудь спрячу, но что делать с керамикой? Положи статуэтки в свой чемодан: ты же лауреат Сталинской премии, тебя досматривать не будут». Я так и сделал, и все обошлось. Дело в том, что Пикассо в Москве был запрещен. Но стены в квартире Эренбурга были открыты его рисунками и гравюрами. Однажды вечером художественный критик газеты «Правда», приверженец социалистического реализма, остановившись перед эскизом Пикассо к гравюре «Жаба», возмутился: «Как можешь ты, товарищ Эренбург, держать это буржуазное дерьмо в своем кабинете? Просто непонятно, что делает Пикассо в коммунистической партии...» Илья перебил его: «А знаешь, как называется эта гравюра?». Критик недоуменно взглянул на Эренбурга, явно ожидая какого-то подвоха. Илья славился своими беспощадными, ироническими замечаниями. Писатель, ткнув пальцем в гравюру, сказал: «Американский империализм!»

Идеолог посмотрел на работу Пикассо совсем другими глазами: «Подумать только: «Американский империализм». Теперь я понимаю: почему товарищ Пикассо — член коммунистической партии. Какой талант!»

Эренбург разбирался в механизме власти лучше Пастернака. К тому же он был депутатом Верховного Совета. Однажды Илья сказал мне: «Жоржи, мы с тобой относимся к той категории писателей, которые никогда не смогут опубликовать свои мемуары: слишком много мы знаем». Но в годы Хрущева, едва в советском обскурантизме обозначился просвет, Илья опубликовал свои тома. А его дочь Ирина в 1988 году сказа-

ла мне, что приводит в порядок и другие его мемуары.

— Некоторые писатели были очень прочно связаны с властью. Вы знали Шолохова?

— Я видел его всего два раза. Когда был в Париже в 1948 году. Бежал из Бразилии от военной хунты, от тюрьмы. В Париже я был на седьмом небе от счастья. Первая встреча с Эренбургом, дружба с Полем Элюаром, потом — Камю, Арагон. Был там и автор «Тихого Дона». Он тоже участвовал в Конгрессе деятелей культуры в защиту мира. Приехал и бежавший из Чили Неруда. Вместе с Арагоном, Эмилио Серени и польским режиссером Вандой Якубовской мы пошли к Пикассо: хотели, чтобы тот присоединился к нам. «У меня нет времени, — сказал он. — Политикой я больше не занимаюсь. Не могу отвлекаться от работы...» Пикассо явно увливался. Во время разговора он подошел к Якубовской: «А что за цифра вытатуирована у тебя на руке?» — «Эту метку мне поставили в концлагере...» И Пабло передумал: «В Варшаву я поехать не могу, но готов сделать для вас что угодно...». Так появился на свет его рисунок «Голубь мира».

— Вам когда-нибудь было страшно?

— В Будапеште в 1949 году. Однажды вечером собрались писатели и стали расспрашивать меня о репрессиях в Бразилии. Выступил какой-то молодой поэт. «У нас здесь тоже пытаются людей. На проходящем сейчас процессе каждое признание политической полиция вырывает под пытками», — сказал он. «Под пытками?», — спросил я в ужасе. Пытки в социалистической стране? Я почувствовал, что это конец. Бежать в страну, где людей пытаются так же, как и в Бразилии?! Нет, это невозможно. Я переспросил: «Мне не показалось? Вы сказали, что здесь пытаются?» «Пытают ежедневно, пытаются всех, кто не хочет признаться в том, чего он не совершал». В отеле я вернулся с какой-то пустотой в голове. Никан не мог заснуть. А когда в Праге арестовали нашего друга Артура Лондона, заместителя министра иностранных дел, который помог нам выжить, моя жена Зелия, я, Неруда и другие все не могли понять, как можно было обвинить этого человека в предательстве? Мы же так хорошо его знали, знали, что все это неправда. Книга Лондона «Исповедь» — самый потрясающий документ о насилии в сталинских тюрьмах.

Маурицио КЬЕРИЧИ,
газета «Новое русское
слово» [США].